

© 2021

Борис Хейфец

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (Москва, Россия)
профессор Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации (г. Москва, Россия)
(e-mail: bah412@rambler.ru)

Вероника Чернова

доктор экономических наук, доцент Российского университета дружбы народов
(г. Москва, Россия)
(e-mail: veronika_urievna@mail.ru)

ПОЛИТИКА УМНОГО ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В КНР

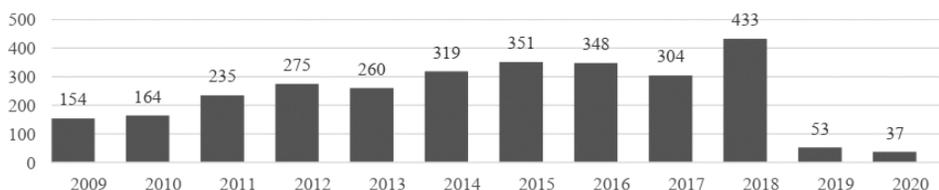
В статье рассматриваются предпосылки перехода Китая на новую модель экономического развития, основанную на приоритетах развития внутреннего рынка и снижения зависимости от зарубежных технологий и поставок комплектующих для ключевых высокотехнологичных отраслей. Сделан вывод об особом характере импортозамещения в Китае, которое можно назвать умным импортозамещением. Дана характеристика умного импортозамещения и показано его отличие от традиционной опоры на собственные силы, предполагающее активное использование внешних факторов и участие в процессах глобализации.

Ключевые слова: новая модель роста, двойная циркуляция, внутренний спрос, умное импортозамещение, опора на собственные силы, глобализация.

DOI: 10.31857/S020736760014939-1

Новый этап развития. Изменившиеся внешние и внутренние условия экономического развития побудили Китай перейти к новой модели экономического роста, связанной с более активной переориентацией стратегии на внутреннее потребление, которое предполагает перемещение части экспортных потоков на китайский рынок. При этом учитывалось развитие нового глобального экономического кризиса и сокращение глобальной торговли, активным участником которой является Китай. В июне 2020 г. Госсовет КНР выпустил документ «Мнение о стимулировании продажи экспортной продукции на внутреннем рынке», где были обозначены шаги по расширению доступа китайских экспортных товаров на собственный рынок [4]. Глава страны Си Цзиньпин объяснил новую стратегическую парадигму развития Китая тем, что внутренний рынок является основой экономического роста, а внутренние и международные рынки укрепляют друг друга. Поэтому внутренняя циркуляция становится стратегическим приоритетом в новом плане развития Китая на ближайшие пять лет и за его пределами [15].

Нельзя не отметить и усиливающее внешнее давление на Китай, выразившееся в росте запретов на торговлю и другие виды внешнеэкономической деятельности не только со стороны США, но и многих других стран. Например, по оценкам экспертов Global Trade Alert (GTA), анализирующих торговую, финансовую, инвестиционную, миграционную политику и некоторые другие сферы регулирования международных экономических связей в 224 юрисдикциях, с ноября 2008 г. по 1 декабря 2020 г. было введено 19566 мер, противоречащих коммерческим интересам внешних партнеров. Из них против Китая таких мер было введено больше, чем против других стран – 7171, или 36,7% всех принятых мер. Основная их часть (90,7%) пришлась на торговлю товарами [17]. В ответ Китай также вынужден был вводить ограничения для иностранных акторов, однако их количество было в 2,5 раза меньшим – 2933 меры (рис. 1).

Рис. 1. Число ограничительных мер, введенных Китаем в 2009–2020 гг. против иностранных акторов

Источник: [18].

Ограничительные меры против Китая особенно сильно затронули высокотехнологичные отрасли, развитие которых является стратегическим приоритетом для Китая. Ярким проявлением такой политики являются действия США, направленные на ограничения поставок комплектующих для китайской Huawei – мирового лидера в производстве телекоммуникационного оборудования, второй компании в мире по производству смартфонов (с долей в 20% от мирового рынка). США также угрожают разрывом связей ряду других китайских высокотехнологичных компаний. На начало 2021 г. американские запреты и ограничения затрагивали по крайней мере 60 китайских высокотехнологичных фирм. При этом данные санкции поддерживаются и компаниями других стран, тесно связанных с США. Так, крупнейший в мире производитель чипов и микросхем Taiwan Semiconductor Manufacturing Company (TSMC) в четвертом квартале 2021 г. сократил продажи китайским клиентам на 72% [26].

В августе 2020 г. американским компаниям было рекомендовано в течение 45 дней разорвать все коммерческие отношения с китайской ByteDance, владеющей популярной у молодежи сетью TikTok, и с китайским приложением

для обмена сообщениями и платежами WeChat, широко используемым китайцами для обмена информацией по всему миру. Власти США ввели ограничения на американские инвестиции в компании, связанные с китайским военно-промышленным комплексом, в крупнейшие операторы мобильной связи КНР – China Telecom Corp Ltd (первое место в мире по числу абонентов), China Mobile Ltd (четвертое место) и China Unicom (Гонконг) Ltd., которые активно участвуют в развитии сетей 5G [6].

Нельзя не отметить и американские санкции политического характера, которые также затрагивают китайскую экономику. Так, в мае 2020 г. 33 китайские компании и правительственные организации были внесены в санкционные списки Министерства торговли США. Их обвинили в участии в репрессиях в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В 2019–2020 гг. США ввели ряд санкций против Китая, который, по их мнению, нарушает права человека и ущемляет автономию Гонконга, который является одним из ведущих технологических центров КНР.

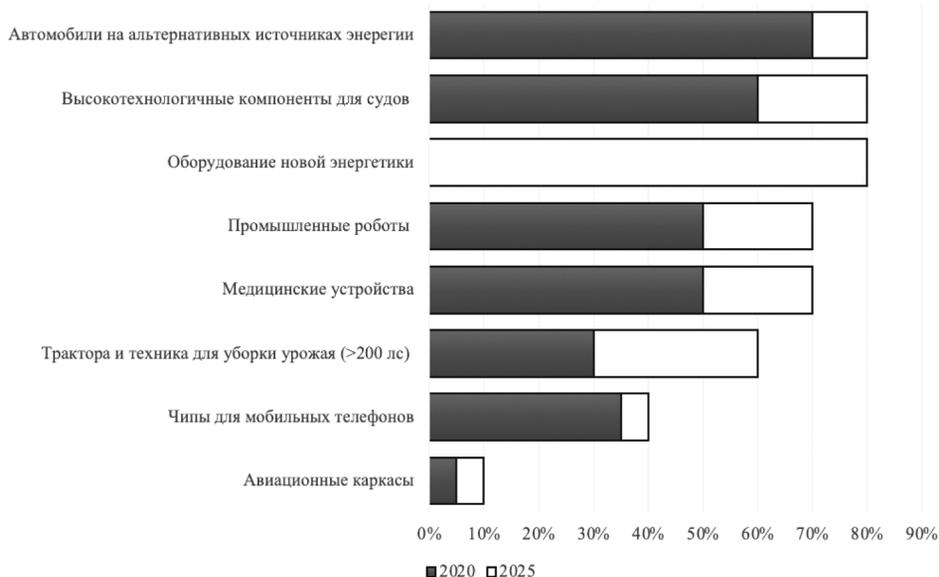
Более детально новая стратегия оформилась в октябре 2020 г. на пленуме ЦК КПК, одоббившим основные направления 14-го пятилетнего плана (2021–2025 гг.) и на перспективу до 2035 г. Ее принципиальной идеей является перенос центра тяжести экономической политики с «внешней циркуляции» на «внутреннюю циркуляцию». Китай заявил об усилении приоритетов внутренней экономики в экономической политике, особенно в отношении внутреннего спроса, поставил задачи продвижения инноваций в науке и технике, ускоренного развития цифровых отраслей, содействия появлению большего числа новых полюсов и точек роста, тем самым целенаправленно формируя экономическую систему, в основе которой будет внутренний китайский рынок [8].

Предпосылки для новой модели. Терминология “внешней и внутренней циркуляции” связана с так называемой концепцией большой международной циркуляции 1990-х годов, которую Китай применил для своего превращения в «мировую фабрику» [5]. Данная концепция основывалась на использовании дешевой китайской рабочей силы и внутренних локальных СЭЗ в качестве полюсов роста в целях наращивания экспорта и накопления золотовалютных резервов для модернизации экономики. Это способствовало развитию экспортноориентированной модели развития, становлению в Китае крупных национальных акторов, занявших прочные позиции в международных цепочках добавленной стоимости. О необходимости усиления роли внутреннего рынка и внутреннего спроса для роста экономики в Китае начали говорить еще в 2010-х годах. Подобная же идеология была заложена и в программу «Made in China 2025», которая была принята в 2015 г. По существу эта программа стала первым масштабным проектом переориентации политики на усиление роли внутреннего рынка и ускоренное развитие современных производств.

Программа «Made in China 2025» предусматривала государственную поддержку 10 высокотехнологичных секторов: информационные технологии следующего поколения, высокопроизводительные машины и роботы с числовым программным управлением, аэрокосмическое и авиационное оборудование, морское инженерное оборудование и морское судостроение, современное железнодорожное оборудование, энергосберегающие и новые энергетические транспортные средства, электрооборудование, сельскохозяйственное машиностроение, новые материалы и биофармацевтические препараты, а также высокоэффективные медицинские устройства [21].

Программой «Made in China 2025» был начат целенаправленный курс на импортозамещение, прежде всего в сфере высоких технологий, который предусматривает завоевание существенной доли рынка (от 40% до 90%) местными производителями в 11 из 23 подсекторов, выделенных в данной программе [11].

За счет внутреннего производства к 2025 г. предусматривалось покрыть до 60% потребностей в оборудовании для информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), 40% чипов, используемых в смартфонах. Конкретные цели программы «Made in China 2025» по некоторым товарным группам отражены на рис. 2.

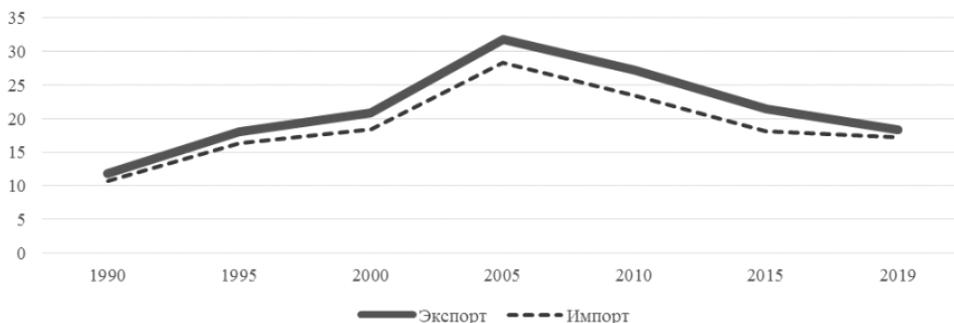

Рис. 2. Ожидаемый уровень самообеспеченности в результате реализации программы «Made in China 2025» (в %)

Источник: [21].

Уже после 2005 г. наблюдалось снижение влияния внешней торговли на развитие экономики Китая. Этот процесс особенно усилился после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Если в 2005 г. соотношение

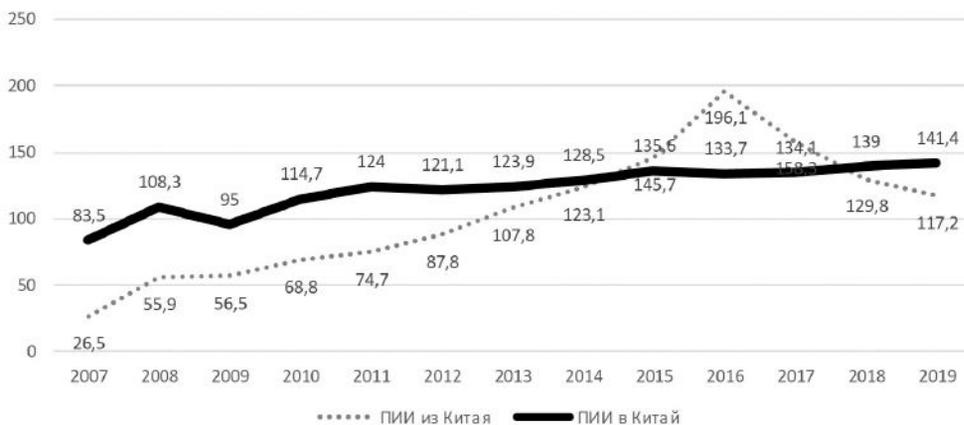
экспорта и ВВП составляло 31,8%, то в 2019 г. – 18,4%, соответствующие показатели для импорта составили 28,4% и 17,3%. (рис. 3).

Рис. 3. Изменение соотношения экспорта и импорта к ВВП и Китая (в %)

Источник: [27].

Во многом схожие тенденции стали наблюдаться и у прямых инвестиций из Китая в зарубежные страны (рис. 4). Если до 2017 г. происходило активное наращивание прямых инвестиций за рубеж, то в 2018–2019 гг. в инвестиционную политику КНР были внесены определенные коррективы, что привело к их сокращению.

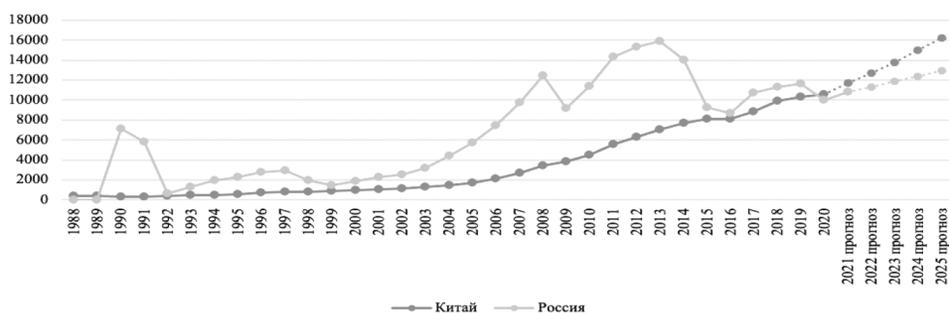
Рис. 4. Динамика текущих китайских прямых инвестиций

Источник: [30].

Несколько иная тенденция прослеживается у притока ПИИ в Китай. До COVID-19 наблюдался их рост, хотя и замедлившийся после 2011 г. При этом увеличивалась доля инвестиций в высокотехнологичные производства (более 28,3% на конец 2019 г. от всех ПИИ). В 2019 г. на территории страны было

зарегистрировано 40 тыс. СП с участием иностранного капитала, а общее число крупных проектов (более 100 млн долл.) с иностранным капиталом составило 834.

Серьезные предпосылки имеются для дальнейшего увеличения роли внутреннего потребления. Китай добился больших успехов за последние 20 лет в плане улучшения уровня жизни и увеличения доходов населения. Об этом, например, можно судить по росту ВВП на душу населения по номинальному валютному курсу. Примечательно, что по этому показателю Китай, по оценкам МВФ, в 2020 г. уже превзошел Россию, и до 2025 г. этот разрыв увеличится (см. рис. 5.). Хотя отставание от развитых стран по данному показателю еще существенно: от США – в 6,5 раз, Евросоюза – в 3,5 раза, Японии – 4 раза.

Рис. 5. Реальная и прогнозная динамика ВВП на душу населения (по номинальному валютному курсу) в Китае и России в 1990–2025 гг. (долл.)

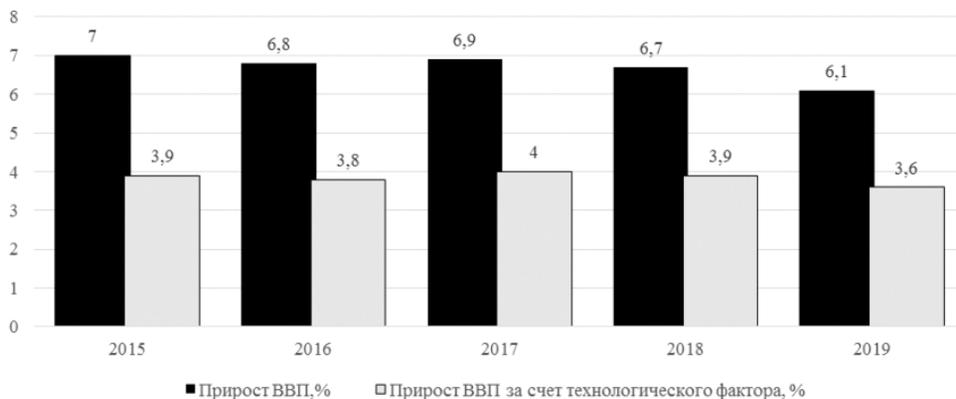
Источник: [20].

Значительно выросла и средняя по стране годовая заработная плата, которая в 2011–2019 гг., по оценкам в юанях, увеличилась более чем в 2 раза [12]. В 2019 г. средняя годовая заработная плата составила в пересчете на доллары 47,4 тыс. долл. Как аналогичный показатель у России был 40,4; Малайзии – 29,1; Мексики – 47,5; Германии – 76,5; США – 81,9 тыс. долл. [14]. Рост доходов создает базовые предпосылки для развития внутреннего рынка и повышения уровня жизни населения КНР.

Китай намерен к 2035 г. удвоить размер экономики и дохода на душу населения. Это приблизит его показатели к развитым странам. Согласно китайской официальной статистике, к среднему классу относятся 400 млн человек. Программа роста объема экономики в два раза должна увеличить его численность к 2035 г. (до 800 млн), что составит более 50% всего населения [1].

Важнейшей предпосылкой реализации новой модели является быстрое развитие научно-технологического потенциала Китая, который за относительно небольшой период времени стал одним из глобальных технологических лидеров. Для Китая характерны высокие темпы освоения новых технологий и быстрое продвижение их на рынках.

По оценкам китайского правительства, наука и технологии обеспечили в 2019 г. 59,5% экономического роста, тогда как в 2015 г. данный показатель был 55,1% (рис. 6).

Рис. 6. Роль науки и технологий в экономическом росте Китая

Источник: [24].

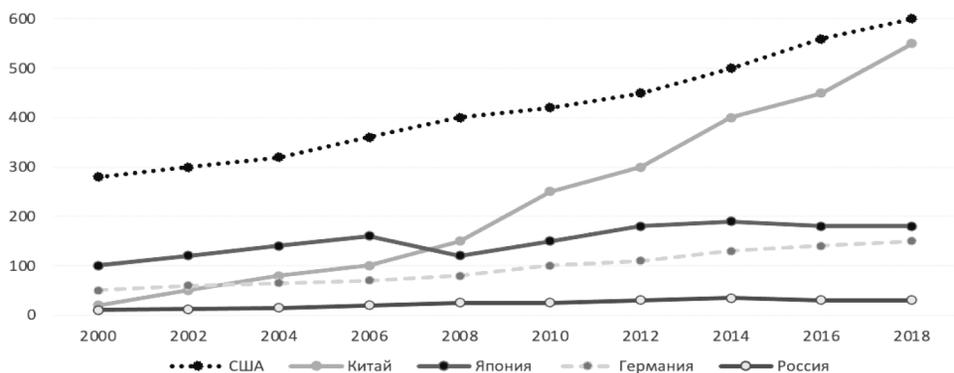
Среди тех областей, где Китай показал быстрое технологическое продвижение можно назвать технологии умного интеллекта, связи 5G и квантовых сетей, блокчейна, больших данных, биотехнологии, включая генную инженерию, военные и космические технологии, производство мобильных телефонов и компьютеров, ЖК-панелей, высокоскоростных железнодорожных составов, дронов и многих других инновационных продуктов, включая узлы и агрегаты для многочисленных глобальных цепочек добавленной стоимости. При этом происходят настоящие технологические прорывы в некоторых сферах, где еще недавно КНР заметно отставала от мировых лидеров. К ним, например, можно отнести достижения в области технологий многоразового использования космических аппаратов или технологий термоядерной энергетики.

Фундаментом для технологических успехов Китая стали высокие расходы на исследования и разработки (ИР) за последние 20 лет. Они в 2019 г. по текущему валютному курсу превысили 600 млрд долл., что более чем в 60 раз превосходит уровень 2000 г. Удельный вес расходов на ИР по отношению к ВВП достиг почти 2,2%.

По оценкам экспертов американской компании Congressional Research Service, доля Китая в 2001–2018 гг. в мировых расходах на ИР возросла с 4,9% до 26,3%, что поставило его на второе место в мире после США, соответствующий показатель которых за тот же период сократился с 39,8% до 27,6% (рис. 7).

Китай обогнал США по числу так называемых компаний-«единорогов» — быстрорастущих частных технологических стартапов с капитализацией свыше 1 млрд долл. В 2020 г. Китай имел 233, или 39,8%, всех «единорогов». За ним

шли США с 227 стартапами (38,7%), а на идущую третьей в этом рейтинге Великобританию пришлось 24 «единорога» [19].

Рис. 7. Динамика валовых расходов на исследования и разработки в отдельных странах (млрд долл.)

Источник: [16].

О достижениях Китая в технологическом развитии свидетельствует и обновленный рейтинг Всемирного экономического форума (ВЭФ), опубликованный в марте 2021 г., который основывается на количестве имеющихся предприятий будущего, полностью работающих на технологиях четвертой промышленной революции. По мнению экспертов ВЭФ, в мире насчитывается 69 таких предприятий (рассматривались 1000 претендентов), из них 20 расположены в КНР, 19 – в Евросоюзе, 7 – в США, 5 – в Японии. Среди строящихся подобных предприятий, которые вскоре должны быть введены в эксплуатацию, на Китай приходится одна треть [32].

Еще одна принципиальная предпосылка для реализации новой китайской модели развития состоит в том, что ориентация на национальное потребление не предполагает изоляции китайской экономики от мировой. Усиление роли внутренней циркуляции не будет вести к реанимации широко известной в экономической теории стратегии «опоры на собственные силы», которую успешно реализовывали в свое время СССР и некоторые другие социалистические страны. Если исходить из теоретических представлений 50–60-летней давности для эффективного развития многих производств, прежде всего в сфере обрабатывающей промышленности, необходим рынок в не менее 300 млн. потребителей. Эта цифра вытекала из оптимальных на тот период времени масштабов производства в автомобилестроении и некоторых других ведущих отраслях экономики. Соответственно, политика опоры на собственные силы могла быть рациональной только у крупных стран. Преодолеть подобное ограничение по численности населения позволяли региональные интеграционные объединения. Если они располагают внутренним рынком

в 300–600 млн внутренних потребителей, это позволяет организовать серийное промышленное производство [2]. Поэтому Китай с его 1,5 млрд населения с растущими доходами вне конкуренции и без каких-либо международных интеграционных объединений.

Однако в условиях четвертой промышленной революции на качественно новый уровень вышли технологии производства, появились новые стратегии организации хозяйственной деятельности и международной кооперации. Все эти изменения во многом нивелируют роль масштаба производства, обеспечивая снижение затрат на единицу продукции по всем производственным факторам.

Новые технологии сильно сократили размеры оптимального внутреннего рынка в ряде отраслей, что говорит в пользу вариантов эффективного импортозамещения в национальных границах все большего ассортимента продуктов. Кроме того, явления геополитической напряженности, экономические и технологические войны, необходимость решения конкретных национальных проблем и т. п., способствует выбору национальной юрисдикции для размещения производства.

Но существуют и факторы, оказывающие противоположное влияние. Такие особенности современного технологического прогресса как высокая затратность ИР, ускоренное появление и внедрение технологических новаций, наличие собственной базы фундаментальных исследований и т.п. Они затрудняют реализацию политики “опоры на собственные силы” в ее классической трактовке.

Поэтому в современных реалиях Китай предлагает новую политику импортозамещения, которую с полным основанием можно назвать *умным импортозамещением*. Такая политика фактически становится альтернативой традиционной стратегии опоры на собственные силы и самодостаточности.

«Умное импортозамещение». Импортозамещение, осуществляемое в Китае, отличается от традиционного импортозамещения, какое, например, в настоящее осуществляется в России. Его характеризуют ряд особенностей. Во-первых, оно будет селективным, так как его приоритетом является концентрация ресурсов на развитие высоких технологий, где существует сильная зависимость КНР от нестабильного импорта. Такая ситуация будет определять экономическое развитие страны в долгосрочной перспективе. Важнейшее значение имеет и развитие отраслей оборонного комплекса.

Актуальность селективного подхода к развитию высокотехнологичных отраслей связана с тем, что несмотря на свое серьезное технологическое возвышение, Китай еще сильно зависит от многих иностранных технологий. Преодолеть эту зависимость по всем направлениям одновременно не реально, и требуется определить приоритеты. По оценкам экспертов McKinsey Global Institute, в настоящее время китайские поставщики могут обеспечить уже

от 60% до 80% технологий [11]. Для Китая главной остается импортозависимая модель участия в мировом технологическом обмене. По данным за 2019 г., объем платежей за использование иностранной интеллектуальной собственности достиг 34,4 млрд долл., в то время как экспортные поступления за китайскую интеллектуальную собственность были в 5,2 раза меньше – 6,6 млрд долл. [27].

Безусловно, процесс импортозамещения коснется и сфер экономической деятельности, не имеющих такого стратегического характера. Но для них импортозамещение будет использоваться при условии, что эта политика обеспечивает замещение на внутреннем рынке импортных товаров качественными и более дешевыми китайскими товарами или способствует решению таких задач, как обеспечение занятости, более полное насыщение внутреннего рынка, использование местных природных ресурсов и т.п.

Во-вторых, импортозамещение не будет вести к новым ограничениям в сфере международного сотрудничества, а, наоборот, будет сопровождаться дальнейшим открытием огромного китайского рынка для иностранных поставщиков товаров, услуг и капитала. Как отмечают С. Луконин и Е. Заклязьминская, одной из важных составляющих новой модели экономического развития является формула «производить для Китая в Китае». Она включает удержание в стране иностранных компаний, сокращение списка закрытых для иностранных инвестиций секторов китайской экономики, допуск иностранных компаний к процедурам госзакупок [5].

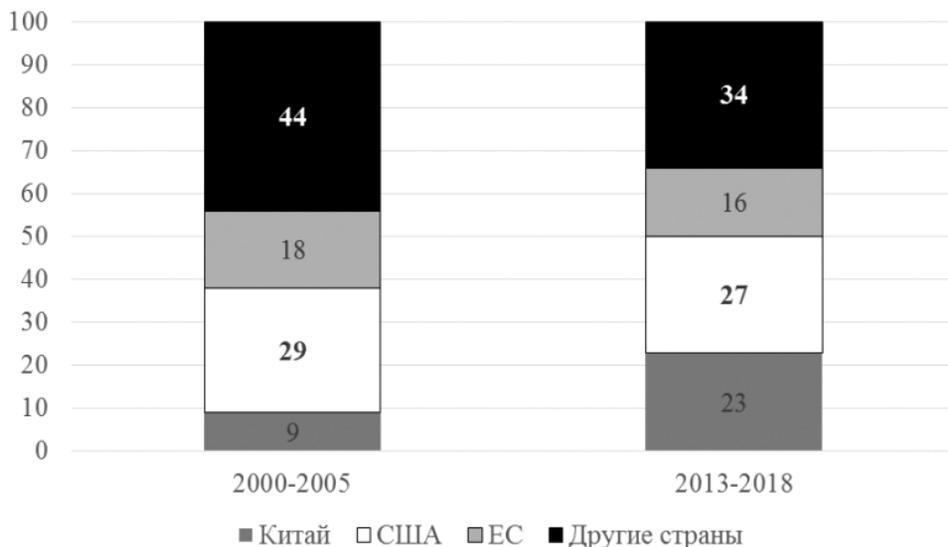
Китай в июле 2020 г. принял ряд важных мер по расширению доступа иностранных инвестиций на внутренний рынок, включая внутренние экспериментальные зоны свободной торговли (ЗСТ) КНР. Первая такая зона была создана в 2013 г. в Шанхае, а за последующие 7 лет всего было создано 18 подобных ЗСТ. Новые планы состоят в создании еще 3 экспериментальных ЗСТ, в значительной мере ориентированных на развитие технологически передовых производств. Так, ЗСТ в Пекине будут отличать научно-технические инновации, открытость сектора услуг и ориентация на цифровую экономику. Будут созданы экспериментальные ЗСТ в провинциях Хунань и Аньхой, а также реализован масштабный проект «свободного порта» на острове Хайнань.

В рамках изменений в инвестиционной политике был кардинально пересмотрен так называемый «негативный список», который включает два отдельных перечня: «Национальный негативный список Китая» и «Негативный список для зон свободной торговли КНР». В обновленной версии первого число отраслей с ограничениями для иностранных инвесторов сокращено с 40 до 33, иностранным инвесторам разрешено приобретать контрольные пакеты акций в СП, занимающихся строительством и эксплуатацией систем водоснабжения и водоотведения в крупных городах, а также отменено ограничение в 51%

на иностранную долю в инвестиционных фондах и в компаниях, занимающихся страхованием жизни [3].

Складываются условия для того, чтобы западные компании при любых геополитических раскладах сохраняли желание сотрудничать с Китаем, так как в перспективе большая часть будущего роста мирового глобального спроса будет исходить не от западного общества, а от быстро растущего среднего класса Китая и других стран с формирующимся рынком [10].

Подтверждением этого служат данные о существенном росте доли китайских домохозяйств в мировом потреблении. Как видно из рис. 8, объем глобального потребления домохозяйств вырос с 4780 млрд долл. в 2000–2005 гг. до 6208 млрд долл., при этом доля Китая в мировом потреблении увеличилась с 9% до 23%, в то время как доля США и Евросоюза уменьшилась.

Рис. 8. Доля отдельных стран и регионов в глобальном потреблении домохозяйств (%)

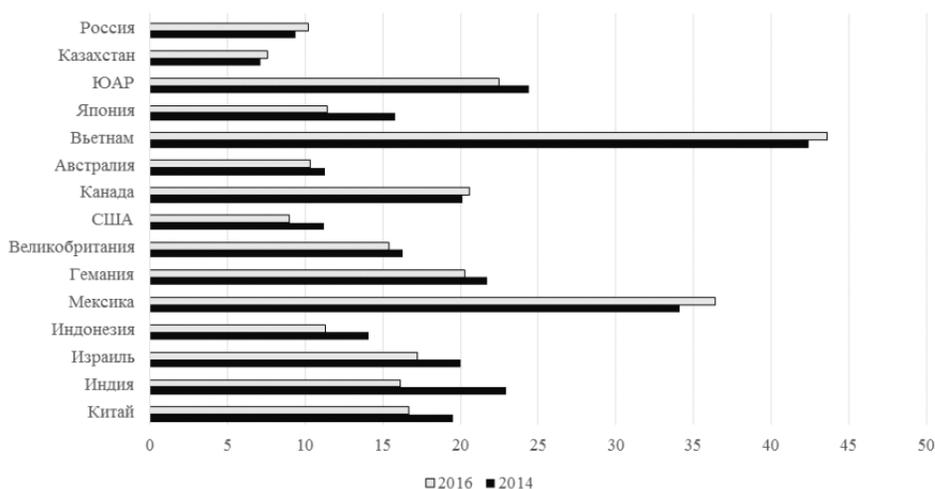
Источник: [31].

В-третьих, умное импортозамещение предполагает, что будут активно привлекаться иностранные технологии для создания конкурентоспособных новых производств, замещающих импорт. Такая политика может обеспечить серьезное расширение присутствия Китая на внешних рынках в случае восстановления благоприятной конъюнктуры. При этом будет максимально снижен риск прекращения по политическим мотивам импортных поставок комплектующих, что усилит стабильность китайского экспорта. Другими словами, одной из характерных черт «умного импортозамещения» является экспортоориентированное импортозамещение [7].

В-четвертых, «умное импортозамещение» направлено на совершенствование структуры китайского экспорта, в том числе увеличение экспорта высокотехнологичных услуг, которые тесно связаны с современными технологиями. В 2019 г. доля экспорта услуг в совокупном экспорте товаров и услуг составляла у Китая 10,1%, в то время как у США оно было 34,2%, стран ЕС – 32,0%, Японии – 22,1% [29].

В-пятых, «умное импортозамещение» еще больше усилит позиции традиционных китайских экспортных отраслей, которые получают дополнительную финансовую, технологическую и кадровую подпитку, так как Китай планирует значительно увеличить расходы на ИР, а также на образование и медицину, являющихся важнейшими компонентами развития человеческого капитала. При изменении глобальной конъюнктуры они также могут расширить свой экспорт.

Тенденции «умного импортозамещения» уже стали проявляться в уменьшении доли импортных компонентов в валовой продукции экспорта Китая. Согласно данным ОЭСР, эта доля у Китая сократилась с 19,5% в 2014 г. до 16,7% в 2016 г. (рис. 9).

Рис. 9. Доля иностранных компонентов в валовом экспорте отдельных стран (%)

Источник: [22].

В-шестых, «умное импортозамещение» предполагает, что будет существенно усилено внимание к созданию благоприятной среды в Китае для развития национального и международного бизнеса, совершенствованию законодательной базы и ее адаптации с мировыми трендами. Пока Китай занимает в рейтинге Всемирного банка *Doig Business* скромную позицию. В интегральном рейтинге 2020 г., опубликованном в октябре 2019 г., он оказался на 31-м месте между Испанией (30-е) и Францией (32-е), тогда как у России

было 28-е место и у Казахстана – 25-е место. При этом серьезный прогресс в этом плане в последние 5–10 лет уже наметился: еще в рейтинге 2019 г. Китай занимал 46-е место, а в рейтинге 2010 г. – 89-е место.

В 2020 г. по решению Всемирного банка рейтинг Doig Business не публиковался. Как известно, данный рейтинг ранжирует 190 стран по интегральному показателю, рассчитываемому на основе 10 критериев регулирования предпринимательской деятельности. Китай отстает от своего интегрального показателя в рейтинге 2020 г. по таким критериям как получение разрешений на строительство, уплата налогов, получение кредитов, защита прав миноритарных инвесторов, ведение международной торговли, процедуры банкротства [28].

В-седьмых, Китай в рамках «умного импортозамещения», открывая свой внутренний рынок для иностранных инвесторов, устанавливает деловые контакты, которые могут вылиться в новые проекты за рубежом. Как показывает практика реализации ИПП, ПИИ в страны, участвующие в данном проекте даже в непростом 2020 г. опережали внешние китайские ПИИ в целом. Прямые нефинансовые капиталовложения КНР в экономику 58 государств, участвующих в ИПП в 2020 г. увеличились на 18,3%, составив 17,8 млрд долл. Стоимость новых подрядных контрактов с заинтересованными государствами ИПП также возросла и составила почти 141,5 млрд долл. [23].

В-восьмых, Китай, осуществляя «умное импортозамещение», будет не только продолжать уже начавшиеся проекты в рамках своих глобальных планов, таких как ИПП, РВЭП, сопряжение ИПП и ЕАЭС, БРИКС плюс, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и т.п., но и выдвигать новые глобальные инициативы, привлекательные для других государств. Примером здесь может служить его новая инициатива «Шелковый путь – здоровье» (Health Silk Road), которая была официально провозглашена в 2020 г. во время пандемии COVID-19. Всего в 2020 г. КНР оказал помощь в борьбе с пандемией COVID-19 более чем 150 странам и международным организациям.

Новая модель развития и глобализация. Новая модель не противоречит общему курсу Китая на глобализацию, но при определенном перераспределении приоритетов с учетом меняющихся внешних и внутренних условий развития страны. Опора на внутренний рынок и приверженность политики открытости экономики, с точки зрения китайского лидера Си Цзиньпина, создадут базу для более сбалансированной и стабильной схемы нового развития, в рамках которой внутренняя и внешняя составляющие будут стимулировать друг друга при главенствующей роли первой [8]. Китайские власти продолжают всячески подчеркивать свою сохраняющуюся открытость внешнему миру и неприемлемость для страны закрытости и автаркии.

Правда, существует и мнение, согласно которому декларирование Китаем такой политики адресовано иностранной аудитории, внутри же страны власти КНР подчеркивают важность самостоятельного преодоления зависимости

от иностранных технологий [25]. Такая оценка, хотя и опубликована в авторитетном журнале *The Economist*, отражает скорее геоэкономическую конфронтацию и далека от объективной оценки новой модели экономического развития Китая, хотя многое будет зависеть от будущих конкретных результатов ее реализации.

Сегодня Китай оказался самой устойчивой к новому кризису экономикой, продемонстрировав после падения на 6,1% ВВП в первом квартале 2020 г., его рост во втором и третьем квартале – 3,2% и 4,5% соответственно, а уже в четвертом квартале рост составил 6,5%, что превысило соответствующий показатель 2019 г. По итогам 2020 г. ВВП Китая вырос на 2,3% и КНР оказалась единственной в мире крупной страной с положительными экономическими результатами. В целом Китай и по другим важнейшим показателям продемонстрировал самую быструю V-образную модель выхода из кризиса (рис. 10).

Рис. 10. Динамика некоторых экономических показателей Китая в 2020 г. (%)

Источник: [13].

Хорошие показатели продемонстрировали в 2020 г. внешняя торговля и прямые инвестиции. В 2020 г., согласно данным Главного таможенного управления страны, Китай увеличил товарный экспорт на 3,6% – до 2,49 трлн долл., а его импорт сократился только на 1,1% и составил 2,05 трлн долл.

При этом, несмотря на торговую войну, оборот взаимной торговли между Китаем и США увеличился за 2020 г. на 8,3% и достиг 586,73 млрд долл. [9]. Рекордный за всю историю КНР объем экспорта имел место во многом благодаря пандемии COVID-19, когда выпуск товаров в зарубежных странах уменьшился, а Китай, раньше других государств начавший восстанавливать экономику, увеличил свои зарубежные продажи. Сильно вырос офшорный аутсорсинг Китая, который превысил 100 млрд долл., что привело к росту экспорта услуг на 3,8% по сравнению с 2019 г.

Объем прямых инвестиций Китая за рубеж в 2020 г. достиг 132,9 млрд долл., увеличившись в годовом исчислении на 3,3%, а объем ПИИ в Китай вырос на 6,2%. Основная часть входящих ПИИ пришлось на так называемые транзитные юрисдикции – Нидерланды (47,6%) и Великобританию (30,7%), через которые осуществляют свои капиталовложения другие страны. Объем контрактов на подрядные работы за рубежом хотя и уменьшился за 2020 г. на 1,8%, оставался на высоком уровне – 255,5 млрд долл. 80% всех новых контрактов пришлось на сооружение инфраструктурных объектов. На начало 2021 г. за рубежом работало 623 тыс. китайских рабочих [23].

Все это говорит о том, что новая модель предполагает целенаправленное и более эффективное использование внешнеэкономических факторов экономического роста. Поэтому и в перспективе Китай будет активно продвигать идеи глобализации с учетом новых тенденций развития мировой экономики и своих национальных интересов.

Литература

1. *Дынкин А.* Основным локомотивом мировой экономики останется Китай. 2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-luchshe-ssha-i-bolshinstva-evropeyskikh-stran-spravilas-s-vyzovami-2020/?sphrase_id=72401154
2. *Зевин Л.З.* О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века // М.: Институт экономики РАН. 2015. С. 22–23.
3. Китай расширяет доступ иностранных инвесторов к зонам свободной торговли. ТАСС. 2020. 23 июля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9032437>
4. *Ло Дзе.* Двойная циркуляция // Китай. 2020. 9 августа. URL: http://www.kitaichina.com/rjingji/202009/t20200908_800220243.html
5. *Луконин С.А., Заклязьминская Е.О.* Трансформация социально-экономической модели Китая в условиях пандемии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 6. С. 208–209.
6. США ударили по крупнейшим мобильным операторам Китая // Лента 2021. 2 января. URL: https://lenta.ru/news/2021/01/02/nyse/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial
7. *Хейфец Б.А., Чернова В.Ю.* Потенциал экспортоориентированного импортозамещения в агропромышленном комплексе ЕАЭС // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 74–89.
8. *Цыплаков С.С.* Китай выбирает стратегию на 15 лет // Независимая газета. 2020. 18 октября. https://www.ng.ru/dipkurer/2020-10-18/9_7992_china.html?fbclid=IwAR3q-D-GZ-8XPZFJhAyTvoovKHITLvpwKPIIDMD3BpKJ5D9ecUWwy_De9K_y0

9. Экспорт Китая в 2020 году вырос на 3,6% и достиг рекорда // Интерфакс. 2021. 14 января. URL: <https://www.interfax.ru/business/745076>
10. *Brent R.* How China Rode the Foreign Technology Wave. 2019. 22 October. URL: <https://www.the-american-interest.com/2019/10/22/how-china-rode-the-foreign-technology-wave/>
11. China and the world: Inside the dynamics of a changing relationship // McKinsey Global Institute. 2019. July. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/china/china-and-the-world-inside-the-dynamics-of-a-changing-relationship#>
12. China Average Yearly Wages // Trading Economics. 2020. URL: <https://trading-economics.com/china/wages>
13. China's economy zooms back to its pre-covid growth rate. The Economist. 2021. 18 January. <https://www.economist.com/finance-and-economics/2021/01/18/chinas-economy-zooms-back-to-its-pre-covid-growth-rate>
14. China salary. Average Salary Survey 2021. URL: <https://www.averagesalariesurvey.com/china>
15. China to Share More Development Benefits: President Xi. // BRInews. 2020. 21 November. URL: <https://www.beltandroad.news/2020/11/21>
16. Global Research and Development Expenditures: Fact Sheet Updated 2020. April 29. P.2. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R44283.pdf>
17. GTA. Global Dynamics. 2020. URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics
18. GTA. Country. 2020. URL: <https://www.globaltradealert.org/country/42>
19. Hurun Global Unicorn Index 2020. The Hurun Research Institute. 2019. 4 August. URL: <https://www.hurun.net/en-US/Info/Detail?num=E0D67D6B2DB5>
20. IMF, 2021. GDP per capita, current prices (U.S. dollars per capita) World URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/ROU>
21. ISDP. Made in China 2025. URL: <https://isdp.eu/content/uploads/2018/06/Made-in-China-Backgrounder.pdf>
22. OECD. Import component of exports. 2020. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/trade/import-content-of-exports/indicator/english_5834f58a-en
23. Regular Press Conference of MOFCOM. 2021. January 21. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/202101/20210103034674.shtml>
24. Report on the implementation of the 2019 plan for national economic and social development and on the 2020 draft plan for national economic and social development. National Development and Reform Commission 2020. 22 May. P. 2, 8. URL: <http://www.xinhuanet.com/english/download/nationaleconomic.pdf>
25. The first lesson of doing business in China: the state comes first // The Economist. 2020. 28 November.
26. The struggle over chips enters a new phase // The Economist. 2020. 23 January. https://www.economist.com/leaders/2021/01/23/the-struggle-over-chips-enters-a-new-phase?utm_campaign=the-economist-today&utm_medium=newsletter&utm_source=salesforce-marketing-cloud&utm_term=2021-01-22&utm_content=article-link-1&etear=nl_today_1
27. The World Bank. 2020. Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator>
28. The World Bank. Doing Business 2020. URL: <https://www.doingbusiness.org/en/doingbusiness>
29. Trade maps. WTO. 2020. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_maps_e.htm
30. UNCTAD. Statistics. URL: <https://unctad.org/statistics>
31. Understanding Chinese Consumers: Growth Engine of the World. China consumer report 2021. McKinsey Global Institute. P.26.

32. WEF. 2021. 69 advanced manufacturing sites light the way as learning beacons. URL: <https://www.weforum.org/our-impact/advanced-manufacturing-factories-light-the-way-as-learning-beacons>

Boris Heifetz (e-mail: bah412@rambler.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russia)

Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Veronika Chernova (e-mail: veronika_urieвна@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Associate Professor,

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

SMART IMPORT SUBSTITUTION POLICY IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

The article examines the prerequisites for China's transition to a new model of economic development based on the priorities of domestic market development and reducing dependence on foreign technologies and components supply for key high-tech industries. The conclusion is made about the special nature of import substitution in China, which can be called smart import substitution. The distinction between traditional self-reliance policy and smart import substitution is shown, the latter involving the active use of external factors and support for globalization.

Keywords: new growth model, double circulation, domestic demand, smart import substitution, self-reliance, globalization.

DOI: 10.31857/S020736760014939-1